

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

А. А. ЗИНОВЬЕВ: PRO ET CONTRA

*Личность и идейное наследие А. А. Зиновьева
в оценках отечественных и зарубежных
мыслителей и исследователей*

Антология

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург
2024

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
С. А. Гончаров, А. А. Грякалов, В. А. Гуторов,
А. А. Ермичёв, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, И. Н. Сухих,
В. Ф. Федоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор серии

Д. К. Богатырёв

Составитель

П. Е. Фокин

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>;*

*Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского*

А 11 **А. А. Зиновьев: pro et contra, антология /** Сост., вступ. статья, комментарии П. Е. Фокина. — СПб.: РХГА, 2024. — 856 с. (Русский Путь).

ISBN 978-5-907855-70-0

Антология «А. А. Зиновьев: pro et contra» продолжает серию издательского проекта РХГА им. Ф. М. Достоевского, посвящённого многофокусному освещению наследия выдающихся представителей русской и мировой культуры. Профессиональный философ-логик, социолог, писатель, поэт, публицист и общественный деятель Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) в течение нескольких десятилетий, начиная с середины 1950-х и до конца своих дней, был одним из лидеров интеллектуальной жизни России, а после публикации романа «Зияющие высоты» — и Запада. Различным аспектам его многогранной и обширной деятельности (наследие А. Зиновьева насчитывает более 40 томов) посвящены сотни работ отечественных и зарубежных критиков и исследователей. В аналогично вошли наиболее значимые и репрезентативные материалы, отражающие не только богатство мысли А. Зиновьева, но и тот интеллектуальный вихрь, который они порождали у современников.

Издание рассчитано как на специалистов-исследователей, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной мысли.

© Фокин П. Е., составление, вступ. статья, 2024

© АНО ВО «РХГА», 2024

© «Русский Путь», название серии, 1993

ISBN 978-5-907855-70-0

П. Е. Фокин
ЗИНОВЬЕВ НЕ В МЕРУ

Никто точно не знает, где граница между литературой и жизнью, наукой и искусством, поэзией и прозой, прошлым и настоящим.

По какую сторону Зиновьев?

По обе.

П. Вайль, А. Генис

Александр Зиновьев есть живое воплощение феномена «pro et contra». Его натура столь богата, таланты столь многообразны, ум столь обширен, что невольно и самым естественным образом возникают оппозиции и контроверзы. Противоречия вместе живут, как сказал Достоевский.

Именно — *вместе*.

И именно — *живут*.

Постоянно вступая друг с другом во взаимодействие. Дискутируя, соглашаясь, споря. Иногда ругаясь и скандаля. Иногда примиряясь и простирая друг другу объятия. И тут же насмехаясь и издеваясь. А потом доказывая и убеждая. Когда-то поддерживая, когда-то ставя подножку.

Безостановочно. Неугомонно.

Обладая живым, пытливым умом, Зиновьев легко и быстро осваивал любую информацию, с детства имел склонность к аналитике и рефлексии. Его всегда привлекали оригинальные идеи, нестандартные решения, смелые теории и гипотезы. Он был гурманом мысли. Ему доставляло физиологическое удовольствие думать. В течение всей жизни он был интеллектуальным революционером, парадоксалистом, новатором.

Генератором смыслов.

Личность Зиновьева неординарна. Друзья называли его «великий вопрекист», зная его страсть идти наперекор общему мнению, сложившимся представлениям и стереотипам. Свою оригинальность Зиновьев культивировал и любил демонстрировать. Любил вlepить пощечину «общественному вкусу». Точнее — безвкусице. Он ненавидел серость. Презирал пошлость. Ему были противны глупость и пустословие. Он мог признать зло, но не безликость.

Ему было трудно жить — с людьми и с самим собой.

Его биография всецело отражает его индивидуальность. Принято говорить, что судьба накладывает отпечаток на личность человека. В случае Зиновьева наоборот — личность *определила* судьбу. Его жизнь вобрала в себя невероятное количество ситуаций и обстоятельств. В ней есть все для остросюжетного романа. При этом Зиновьев скорее был пассивен, не искал специально приключений, подчиняясь воле обстоятельств. Предпочитал быть наблюдателем, мыслителем, а не деятелем. Лишь в самых критических, крайних ситуациях, когда вопрос стоял о жизни и смерти проявлял решительность. Не уступал.

Не отступал.

Беспрецедентна его писательская судьба. Он пришел в литературу из философии. Свой первый роман написал в возрасте 54 лет, будучи известным логиком. Писал его как единственный и, возможно, последний — как исповедь и завещание. Его содержание было очевидно неприемлемым для советской власти. Публикация в СССР была невозможна. Но и за рубежом издатель нашелся не сразу. Смущала и отпугивала не имевшая аналога форма романа. Система образов, композиция, жанровая природа — все было новым и непривычным. Даже название звучало вызывающе: «Зияющие высоты». А уж место действия — некий город-страна Ибанск — и вовсе было неприлично!

Публикация романа в швейцарском издательстве «L'Age d'Homme» в 1976 году произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Роман стал вызовом не только советской социально-политической системе, попавшей в нем под язвительный бич сатиры, сплетенной с не менее болезненной для власти аналитикой.

Он стал вызовом не только марксистской идеологии, бывшей основанием «реального коммунизма», построенного усилиями и насилием партии большевиков в Советском Союзе, и подвергнутой на страницах романа безжалостному разоблачению и деконструкции.

Он стал вызовом не только специальным службам, стоявшим на охране политической благонадежности и пресекавшим всякие попытки инакомыслия.

Он стал вызовом, в первую очередь, читателям.

Поражали масштаб и интеллектуальная насыщенность произведения. Представленная в нем панорама коммунальных отношений внутри советского общества не имела прецедентов. Она была всеобъемлющей и тотальной. Предложенный Зиновьевым взгляд на повседневную жизнь советских людей отличался непривычной для русской литературной традиции сосредоточенностью на *типах и принципах взаимодействия* индивидов. Оставляя в стороне почти вековой опыт русской и мировой психологической прозы, Зиновьев посмотрел на окружающую его реальность сквозь призму созданной им логической социологии, в центре внимания которой механизмы, обеспечивающие экзистенциальную

основу социума, его устойчивость и развитие. В такой системе координат личность представляет интерес не своей уникальной данностью, а, напротив, как характерная совокупность поведенческих практик и интенций. Социология отменяет психологию, логика — гуманизм. «Зияющие высоты» — роман не о людях, а о людских объединениях. Зиновьев назвал свой роман «социологическим», подчеркнув его научно-исследовательскую направленность. Подобного явления в художественной литературе еще не было. А то, что это была именно художественная литература, ни у кого сомнений не возникало.

Читатели были взволнованы: форма романа не поддавалась никаким аналогиям и образцам. Поэтика не вписывалась ни в какие известные эстетические системы. Привычные художественные категории, принятые на вооружение литературной критикой, такие, как образ, герой, характер, сцена, фабула, сюжет, композиция и другие, не работали в системе зиновьевских координат. Читателю предлагалось полностью перенастроить весь свой аппарат восприятия художественного текста: практически отключить воображение, отказаться от эмоционального сопереживания героям, перестать следить за развитием действия. Вместо этого нужно было обучиться приемам и техникам интеллектуальной обработки фактов, пройти через школу метода восхождения от абстрактного к конкретному, актуализировать свой социально-бытовой опыт. Требовалось отказаться от иллюзий и признать мир таким, каков он есть.

И читатели вызов приняли.

Роман стал мировым бестселлером. Всего за пару лет после публикации он был переведен на все основные литературные языки, издан в Италии, Франции, Голландии, Англии, Швейцарии (на немецком языке), Норвегии, США и др. Сотни отзывов наполнили страницы западноевропейских газет и журналов, о романе говорили и спорили на радио и телевидении, в университетских аудиториях и в светских беседах.

Не меньше самого романа волновала читателей личность Зиновьева. До поры до времени толком о нем никто ничего не знал. Для большинства он был абстракцией из 8 букв, «виртуальным» героем. О нем ходили слухи, строились догадки, высказывались предположения. Биографическая справка на обложке книги содержала лишь сухие анкетные данные и никак не раскрывала личность автора. «Железный занавес» намертво отделял читателей от Зиновьева. При том не только европейских.

Но вот 7 августа 1978 года на информационном небосклоне западной журналистики вспыхнула новая интеллектуальная суперзвезда. Накануне поздно вечером, в 22 часа 20 минут, в аэропорту Франкфурта-на-Майне приземлился самолет компании «Люфтганза», на борту которого в Западную Германию прибыл из Советского Союза автор «Зияющих высот». В аэропорту его встречали десятки представителей различных СМИ, сообщение об этом событии передали все ведущие информационные агентства Запада.

8 августа состоялась первая пресс-конференция Зиновьева. В течение нескольких дней европейские газеты публиковали на своих страницах отчеты о ней и репортажи о прибытии Зиновьева на Запад, интервью с писателем. Среди них такие издания как берлинские *Die Welt*, *Deutsche Zeitung*, *Bild*, мюнхенские *Suddeutsche Zeitung* и *Münchner Merkur*, кёльнская *Kölnische Rundschau* франкфуртские *Frankfurter Rundschau* и *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, парижские *Le Monde*, *Figaro*, *Libération*, цюрихские *Nueu Zürcher Zeitung*, *Die Weltwoche*, *Tages-Anzeiger*, базельская *Basler Zeitung* и др. Соответствующие репортажи и информация прошли на радио и телевидении. С этого времени Александр Зиновьев становится непременным ньюсмейкером западной прессы.

В течение двадцати лет пребывания Зиновьева в эмиграции его личность, оценки, мировоззрение, книги находились в постоянном поле внимания средств массовой информации. Не было ни одной недели, чтобы имя Зиновьева не появлялось на страницах западной периодики. Он — самый авторитетный эксперт по вопросам советской политики и социальной жизни. Его книги для коммунистической системы смертельнее, чем «Архипелаг ГУЛАГ» («*Noch tödlicher als der Archipel Gulag*»), утверждал немецкий журнал *Spiegel*.

Газеты предоставляли ему целые полосы, журналы — десятки страниц. Его любили фотографы.

Он — эффектная натура, с выразительной мимикой и жестикуляцией. Публикации в прессе неизменно сопровождались портретом Зиновьева, а часто двумя-тремя и более. Его узнавали в лицо. Карикатуристы рисовали шаржи. Уличные художники выставляли его портреты в качестве рекламы своего искусства.

Когда в 1990 году на Западе проходила рекламная кампания Бориса Ельцина, то для «раскрутки» в среде европейских интеллектуалов его псевдодиссидентской книжки «Исповедь на заданную тему», его кураторы организовывали с ним прямой эфир в авторитетной программе Бернара Пиво «*Apostrophes*», аудитория которой достигала двух миллионов человек по всей Европе. В качестве партнера по диалогу пригласили Александра Зиновьева. Накануне в парижских газетах появились анонсы передачи — с портретом Зиновьева. Портретов Ельцина не было — его Париж еще не узнавал.

На фоне абсолютной и исключительной известности Зиновьева на Западе в те же годы в Советском Союзе его имя было знакомо разве что только его бывшим коллегам-философам да слушателям радиостанций «Свобода» и «Немецкая волна». Ну и конечно сотрудникам КГБ!

Если высылка Солженицына в 1974 году сопровождалась всенародным улюлюканьем и скандалом, когда советские газеты одна за другой публиковали отклики трудящихся и интеллигенции на решение Советского правительства о лишении Солженицына гражданства с показательными названиями «Предательство не прощается», «Отщепенцу — презрение

народа» и т. п., то отъезд Зиновьева был прессой игнорирован. Обжегшись на «антирекламе», Солженицына, которую они сами устроили, власти в случае с Зиновьевым избрали иную тактику. Советская контрпропаганда сделала вид, что не заметила взрывного романа Зиновьева, ни один официальный печатный орган не обмолвился ни словом. Было принято решение Зиновьева игнорировать. Замолчать.

* * *

В СССР единственная обстоятельная рецензия на «Зияющие высоты» была написана известной правозащитницей, журналисткой Раисой Лерт. Она датирована 23 января 1977 года. Первое время она ходила в машинописи в самиздате. Спустя год статья появилась на страницах дайджеста «Радио Свобода» «Материалы самиздата» (1978. № 5), а три месяца спустя в журнале «Третья волна» (№ 3–4), который выпускал во Франции А. Глезер.

Статья Р. Лерт называется «Подступы к “Зияющим высотам”». Опыт ненаучного анализа» и представляет собой блистательный образец литературной эссеистики. Р. Лерт потрясена, ошеломлена, взволнована чтением «Зияющих высот». «Логический вывод из прочитанного — самоубийство»¹, — восклицает она в начале своей статьи. Мир, описанный Зиновьевым, слишком отвратителен и слишком узнаваем: «Читать эту книгу безмерно тяжело. Дышать нечем. Дух перехватывает от квинтэссенции подлости, зла, лжи, устрашающей безнравственности и тупости»². Свободную, на первый взгляд, хаотичную структуру книги, ее фрагментарность и многоголосие Р. Лерт сравнивает с драматичным опытом сборов в ожидании обыска: «Конечно, торопятся. Конечно, в чемодан швыряют материалы, не очень заботясь о последовательности — потом разберемся. Но отбирают то, что считают нужным»³. Статья Р. Лерт исполнена гнева и радости — той странной смеси чувств, которую испытывает поднявший востание раб.

Следующий полноценный отзыв о «Зияющих высотах» появится в России только через пятнадцать лет!⁴

Совсем по-другому обстояло дело в изданиях русского зарубежья. Здесь новый критик советского строя был принят сразу. Спустя несколько дней после выхода тиража, в августе 1976 года, Владимир Максимов в передаче на «Радио Свобода» сказал: «Александр Зиновьев — запомните это имя».

¹ Лерт Р. Б. Подступы к «Зияющим высотам». Опыт ненаучного анализа // Третья волна. Альманах литературы и искусства. 1978. № 3–4. С. 129.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 137.

⁴ Кантор К. К. Сияющая высота словесности // Октябрь. 1991. № 1. С. 30–35.

А еще через некоторое время стали появляться рецензии. «Русская мысль» (Париж), «Континент» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Зарубежье» (Мюнхен) откликнулись серией содержательных статей, в которых попытались осмыслить роман Зиновьева как в аспекте его проблематики, так и в плане эстетических новаций.

Ключевым фактом для всех оказывается то, что Зиновьев профессиональный философ, логик, а не писатель. Возможно, если бы критики не знали профессиональной принадлежности автора, их суждения носили бы несколько иной характер. Докторская степень Зиновьева в известной мере облегчала им задачу, позволяя находить ответы и высказывать мнения, которые не столь очевидны при «анонимном» чтении текста.

Мнения критиков расходятся: одни видят в Зиновьеве продолжателя традиций сатирической литературы, подбирая аналоги и примеры антиутопий, другие говорят о создании им нового жанра, в котором синтезированы художественное слово и научное знание, третьи вовсе отказывают ему в праве быть литературным произведением.

«Новое платоновское Государство, гибрид Глупова и первой из тоталитарных утопий — Государства Солнца Кампанеллы, а точнее — все утопии и антиутопии в бешеном кружении вокруг Изма вообще, Социзма и его высшей стадии Псизма...» — пишет в небольшой редакционной заметке «Континент», спустя пару месяцев после выхода книги в свет⁵.

Через некоторое время Герман Андреев на страницах того же «Континента» в статье «В стране строго алогичной закономерности» будет утверждать: «“Зияющие высоты” — произведение огромного значения для русской литературы. <...>. Книга Зиновьева — не антиутопия, вообще не утопия и вообще не анти. Это исследование действительности, а не фантастическое изображение выдуманного государства из деталей, пусть найденных в государствах реальных»⁶.

Радикальный вердикт выносит Наталия Рубинштейн. Называя «Зияющие высоты» «самой своеобразной книге последнего времени, написанной на русском языке», Н. Рубинштейн утверждает: «Она есть несомненное произведение искусства. Хотя искусство в ней и не ночевало. Хотя автор не сделал ни малейшей попытки прикрыть свою писательскую неискушенность, а, напротив, выставил ее среди прочего предметом изображения»⁷. Парадокс зиновьевской книги в том, что «это чудовищное здание не имеет отношения к литературе, но имеет отношение к жизни, укрощенной литературой <...>. Перед нами образчик нового направления в художественном творчестве — произведение ИСКУССТВА БЕЗ ИСКУССТВА»⁸.

⁵ Континент. 1977. № 10. С. 411.

⁶ Андреев Г. Н. В стране строго алогичной закономерности // Континент. 1977. № 13. С. 315.

⁷ Рубинштейн Н. Н. Сказание о земле Ибанской // Время и мы. 1977. № 16. С. 146.

⁸ Там же. С. 148.

Играя, вслед за Зиновьевым, в парадоксы, Петр Вайль и Александр Генис уточняют тезис Н. Рубинштейн: «То, что он “неписатель” — воспринимается сразу. То, что писатель — погода. Но именно безусловная принадлежность “Зияющих высот” к художественной литературе позволяет оценить книгу Зиновьева как революционный шаг в современной русской литературе»⁹.

Тем не менее каждый критик пытается определить жанровую природу произведения Зиновьева. Выявляя «первоэлементы», которые входят в состав романа, перечисляя опознаваемые жанровые единицы, демонстрируя свои глубокие знания в области теоретической поэтики и истории литературы, критики приходят к неизбежному решению найти для романа Зиновьева новое название, пусть и составленное из разных, уже использованных ранее терминов.

Так, Г. Андреев признается: «Дать жанровое определение книги, выходящей за рамки поточной литературной продукции, вообще трудно: чем талантливее книга, тем менее податлива она литературным дефинициям»¹⁰. Он называет «Зияющие высоты» «энциклопедией ибанской жизни», подчеркивая исчерпывающую полноту картины, нарисованной Зиновьевым, ее тотальность и научную основательность, опирающуюся на законы, выявленные автором в ходе изучения предмета своего внимания.

«Зиновьев не романист, он новый летописец, Нестор нашего времени»¹¹, — считает Н. Рубинштейн. Он последовательно фиксирует все события социальной жизни ибанцев, беспристрастно заносит на скрижали истории непрерывную череду их свершений и подвигов, какими бы уродливыми и смешными он ни были. Абсурд и гротеск в данном случае не литературные приемы, а реальность, в которой живут ибанцы и которую описывает Зиновьев, ибо он «хронограф», создатель собственного «документально-сатирического эпоса»¹².

Близок к этой оценке и Пьетро Модесто, автор рецензии в мюнхенском журнале «Зарубежье»: «Мне думается, что она на долгое время останется важнейшим памятником внутрисоветских исканий и внутрисоветского сопротивления»¹³.

П. Вайль и А. Генис подошли к проблеме «Зияющих высот» с академической основательностью. В многослойной, многосоставной книге Зиновьева они увидели возрождение меннипейной традиции. В своей

⁹ Вайль П., Генис А. Вселенная без мозжечка. Зиновьев и меннипея // Время и мы. С. 150.

¹⁰ Андреев Г. Н. В стране строго алогичной закономерности. С. 319.

¹¹ Рубинштейн Н. Н. Сказание о земле Ибанской. С. 150.

¹² Там же. С. 152.

¹³ Модесто П. Александр Зиновьев. «Зияющие высоты» // Зарубежье. 1977. № 53–54. С. 32.

статье «Вселенная без мозжечка. Зиновьев и меннипея» они, опираясь на труды М. Бахтина, дают обстоятельное описание жанра меннипеи и находят у Зиновьева схожие типологические черты. Надо признать, чуть не подвело критиков: Зиновьев был знаком с книгами М. Бахтина, которые можно было купить в книжном киоске Института философии и которые одно время были предметом страстных переживаний всех московских интеллектуалов. Впрочем, вряд ли сам Зиновьев, сочиняя «Зияющие высоты», оглядывался на М. Бахтина.

Через проблему жанрового своеобразия критики выходят, каждый своим путем, к вопросу о предмете научно-художественной рефлексии Зиновьева. Здесь они оказываются близки, определяя Ибанск, под именем которого в романе выведен советский социально-политический строй, как историческую *реальность*, а не гротескную фантазмагорию или пародию. Это не искаженное специальными художественными приемами описание действительности, но ее точное воспроизведение адекватными ей средствами.

В целом, к первому роману Зиновьева русская эмигрантская критика отнеслась с большим интересом и симпатией, но дальше начался какой-то сбой в ее отношениях с писателем. Еще на роман «Светлое будущее» можно найти пару откликов, но все последующие произведения Зиновьева, а их более десятка и в каждом новом он выходил на новый уровень осмысления мира, эмигрантская пресса (за исключением «Континента», с главным редактором которого Владимиром Максимовым Зиновьев был в теплых дружеских отношениях) фактически игнорировала: отзывы были единичны и незначительны. На фоне неугасающего интереса западной прессы, всегда встречавшей очередное сочинение Зиновьева широкой дискуссией, молчание соотечественников выглядит удручающее. Что было тому причиной — зависть к успеху или интеллектуальное бессилие — трудно сейчас сказать. Возможно, и то и другое вместе.

* * *

На страницах официальной советской печати «Зияющие высоты» (и лишь однажды!) впервые упоминаются только в 1981 году в фельетоне «Литературной газеты» «Пакостник из Нью-Йорка», осуждавшем американского издателя Роберт Бернстайн, который, как пишет автор фельетона А. Николаев, получил «скандальную известность», «выпустив на английском языке хулиганский пасквиль на Советский Союз — переводную книжонку под издевательским названием “Зияющие высоты”»¹⁴. Об авторе «пасквиля» — ни слова. Его имя забетонировано наглухо. Более того, судя по итоговой «оценке», данной фельетонистом сочинению,

¹⁴ Николаев А. Пакостник из Нью-Йорка // Литературная газета. 1981. № 27. С. 14.

можно подумать, что «книжонку» и вовсе написал какой-то американец: «Никогда еще прежде антисоветизм в США не извергал таких зловонных фонтанов»¹⁵.

Установленная по отношению к Зиновьеву политика умолчания соблюдалась в советской прессе последовательно и неукоснительно. В 1989 году в «Московских новостях» ведущий научный сотрудник Института книги Сергей Шведов в статье «Многоликий читатель» констатировал: «Есть авторы, многим из нас почти неизвестные, интерес к которым велик, — Саша Соколов, Александр Зиновьев»¹⁶.

Однако политика умолчания продолжалась и в годы Перестройки. Резкая критика, которой подверг Зиновьев политику Горбачева в своих многочисленных интервью и публикациях, в книгах «Горбачевизм» и «Катастрожка», никак не способствовала его скорому признанию на родине. Первое полосное интервью Зиновьева в СССР («Не кривил душой, не приспособлялся...» Беседа с Е. Амбарцумовым¹⁷) появилось только 13 августа 1989 года на страницах «Московских новостей», полный вариант был опубликован в том же году в декабрьской книжке журнала «Горизонт». Следующая значительная публикация — интервью с В. Большаковым, появится почти год спустя, 6 июня 1990 года, в газете «Правда». Роман «Зияющие высоты» отдельным изданием выйдет на закате эпохи «гласности» в ноябре 1990 года, в январе 1991 года сокращенный вариант романа появится на страницах журнала «Октябрь».

Политика умолчания перестроечных СМИ в отношении Зиновьева особенно показательна на фоне мощной поддержки со стороны прессы фигуры Солженицына. Все помнят, как была распропагандирована работа Солженицына «Как нам обустроить Россию?», которая почти одновременно появилась специальным вложением в газетах «Комсомольская правда» и «Литературная газета», перепечатана в региональных газетах, о ней говорили на радио, завязалась многомесячная полемика, само название статьи стало знаковой формулой. Но вряд ли кто знает, что за три дня до публикации статьи Солженицына, 13 сентября 1990 года, на страницах той же «Комсомольской правды» была опубликована полосная статья Зиновьева «Я хочу вам рассказать о Западе» с резкой критикой западного мира и с предупреждением быть осторожнее в стремлении перестраивать жизнь по западному образцу.

Выступление Зиновьева шло в разрез с проводимой в стране политической западнизацией и, естественно, не могла вызвать симпатии в прессе. А «Комсомольская правда», осмелившаяся предоставить слово инакомыслящему автору, вскоре, уже 20 сентября, поспешила опубликовать

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шведов С. Многоликий читатель // Московские новости. 1989. № 15. С. 11.

¹⁷ Зиновьев А. «Не кривил душой, не приспособлялся...». Беседа с Е. Амбарцумовым // Московские новости. 1989. № 33. С. 16.

ответное слово одного из «прорабов перестройки» Марка Захарова, статья которого называлась вполне в стилистике советских публицистов 1970-х годов: «Возвращайся, браток!» с подзаголовком: «Нахожусь под шоквым впечатлением от эссе А. Зиновьева “Я хочу рассказать вам о Западе”».

С середины 1980-х, со сменой идеологического курса в СССР, в советских литературных журналах стали появляться произведения авторов, чьи имена в течение десятилетий находились под запретом цензуры, многих из них массовый читатель прежде и вовсе не слышал. Начался процесс «возвращения» в литературу ранее вычеркнутых из нее писателей и поэтов. Волнами, наперебой журналы Москвы, Ленинграда, республиканских и региональных российских писательских организаций публиковали произведения представителей так называемого «Серебряного века» и первой волны русской эмиграции — Н. Гумилева, В. Набокова, Е. Замятина, В. Ходасевича, Г. Иванова, М. Цветаевой, И. Бунина и других. Немного спустя их сменили представители «третьей волны» — В. Аксенов, В. Войнович, Г. Владимов, В. Некрасов, А. Синявский (Абрам Терц), И. Бродский, С. Довлатов, Саша Соколов. Одновременно «из стола» были извлечены романы А. Платонова, В. Дудинцева, Б. Можая, А. Рыбакова, В. Гроссмана. Десятки имен, сотни произведений. Развернулась кампания с требованием напечатать книги опальных нобелиатов — «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. И их наконец напечатали. Вспомнили и «вернули» всех.

Кроме Александра Зиновьева.

Только в 1989 году в февральском номере журнала «Иностранная литература» его имя впервые появляется на страницах перестроечной печати, да и то в форме краткой справки перед ответами на анкету журнала, с которой редакция обратилась к русским писателям-эмигрантам. Первая публикация на родине состоится лишь в 1990 году — в октябре в издательстве «ПИК» двумя томами, в мягкой обложке, на дешевой бумаге, впрочем, все еще значительным «советским» тиражом в 250 тысяч вышел главный роман Зиновьева «Зияющие высоты». А спустя несколько месяцев, в трех первых книжках журнала «Октябрь» за 1991 год (январь — март) появилась его сокращенная версия. Монументальная фреска советской эпохи, потрясшая воображение западных критиков и читателей, в журнальной публикации уложилась на 142 страницах!

Похоже, что журнальные архивы и запасники к этому времени были уже почти опустошены, и тогда редактора вспомнили про Зиновьева. Тогда же, в январе 1991 года, журнал ЦК ВЛКСМ «Смена» напечатал роман «Иди на Голгофу». Журнал «Смена» был поистине народным. Тираж его зашкаливал, достигая трех с половиной миллионов, однако его авторитет среди литературных изданий был незначителен. Он, собственно, никогда и не был только литературным журналом — художественные произведения долгие годы были дополнительным «бонусом» к идеологической публицистике.

Его подписчиками были читатели массовой литературы — детективов В. Кожевникова, братьев Вайнеров, Ю. Семенова, фантастики К. Булычева и братьев Стругацких, исторической прозы В. Пикуля. Зиновьев пришел к широкому кругу читателей, но не в круг «инженеров человеческих душ» его не пустили.

Ленинградский журнал «Звезда» в октябре опубликовал роман «Живи», а в ноябре на страницах «Нового журнала» (№ 6) была представлена подборка стихотворений из книги «Евангелие для Ивана». Для более полного понимания ситуации заметим, что в рейтинге литературных авторитетов названные издания также не были в числе лидеров.

Но в целом 1991 год можно было бы, хоть и с оговорками, все же назвать «годом Зиновьева». Кроме названных публикаций будут еще две книги: в январе на прилавках книжных магазинов появился подготовленный в 1990 году в издательстве «Московский рабочий» том, в который войдут романы «Гомо советикус» и «Пара беллум» (тираж 50 тысяч), а в середине года в качестве приложения к журналу «Лепта» вышел сборник, в который вошли все тот же роман «Гомо советикус» и повесть в стихах «Мой дом — Моя чужбина» (тираж 75 тысяч).

Однако 1991 год стал последним в истории читательского бума в СССР. После трагических потрясений августа и декабря, с началом экономических реформ Е. Гайдара жителям России стало не до чтения, а цены на издательскую продукцию (как и на все прочие товары) взлетели до немислимых по советским меркам величин. Тиражи литературных журналов рухнули с миллионов до десятка тысяч, а писатели и поэты из «властителей дум» в одночасье превратились в изгоев и маргиналов. Эпоха «гласности» завершилась трагикомически. «Возвращаться» в таких условиях стало практически невозможно — некуда. Не к кому.

Последний раз на страницах отечественных литературных журналов имя Зиновьева появится весной 1993 года. В апрельском и майском выпусках «Нашего современника», тираж которого сник к этому времени с 478 тысяч в 1990-м и 275 тысяч в 1991 году до 57 тысяч 115 экземпляров.

В постсоветской России в течение 1990-х книги Зиновьева будут выходить только отдельными изданиями. Как и на Западе, у него появится «свой» издатель — московский «Центрполиграф». Здесь в разные годы будут изданы «Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма» (1994), «Коммунизм как реальность» (1994), «Запад. Феномен западнизма» (1995), «Смута» (1995), «Русский эксперимент» (1995), «Глобальный человек» (1997), «Русская судьба. Исповедь отщепенца» (1999). Еще одна книга — «Посткоммунистическая Россия» — выйдет в 1996 году в издательстве «Республика». Из десяти книг Зиновьева, вышедших в 1990-е, только четыре — его художественные произведения. «Великий русский писатель», как называли Зиновьева западные критики, «возвращался» на родину в первую очередь как социолог и публицист. Его

романы «Светлое будущее», «Записки ночного сторожа», «В преддверии рая», «Желтый дом», «Нашей юности полет» так и остались «за рубежом».

А что же критика? В письме к другу М. Зальцбергу 18 октября 1995 года Зиновьев констатировал: «<...> в Москве опубликовали три моих книги — «Смута», «Запад» и «Русский эксперимент». Мизерными тиражами, но хоть что-то. Официальная и интеллектуальная Россия меня бойкотирует сильнее, чем в брежневские годы, хотя и новыми (демократическими) методами. Но “по гамбургскому счету” вес у меня там все-таки есть. Например, в сентябре на книжной ярмарке в Москве моих книг продали больше, чем всех прочих авторов вместе взятых. Я за пару дней подписал несколько сот экземпляров. В газетах писали о всех авторах, даже о тех, чьих книг не было на ярмарке или не было продано ни одной. А о бума с моими книгами — ни слова»¹⁸.

И действительно, количество газетных и журнальных откликов на произведения Зиновьева, появившееся в российской периодике с 1990 по 1999 год, не превосходит количества самих изданных за это время книг. Иными словами, их можно *сосчитать на пальцах рук*. А по сути — литературный феномен Зиновьева в отечественной критике 1990-х остался без внимания и осмысления.

Первой (и долгие годы единственной) обстоятельной аналитической работой, посвященной литературной деятельности Зиновьева, стала статья его друга, известного философа и эстетика Карла Кантора «Сияющая высота словесности», предварявшая публикацию «Зияющих высот» в журнале «Октябрь». Поскольку она была первой, то значительная часть ее посвящена биографии и творческому пути Зиновьева.

Обращаясь к роману, К. Кантор прежде всего подчеркивает его специфику как произведения словесности: «В XX столетии литература претерпевает изменения самые радикальные за всю ее историю: она как бы возвращается в жизнь, сливается с устным словесным творчеством. “Зияющие высоты” — пример такого слияния. Зиновьев выступает здесь в двух ипостасях: и как анонимный современный “сказитель”, и как индивидуальный автор литературного текста»¹⁹.

Не обходит вниманием К. Кантор и самоназвание, данное Зиновьевым своему жанру — «социологический роман»: «Действительными героями книги, по утверждению автора, являются не люди, а социальные законы — грязные и жестокие ничтожества. А персонажи романа, которым автор взамен имен присвоил названия по их социальной роли (как она воспринимается средой), используются всего лишь как материал, из которого “лепят” разнообразные лики социальности»²⁰. Но, как представляется

¹⁸ Цит. по рукописи оригинала. Из личного архива О. М. Зиновьевой.

¹⁹ Кантор К. К. Сияющая высота словесности. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

К. Кантору, Зиновьев не порывает полностью и с традиционной эстетикой, предполагающей наличие героя и характеров.

«Главная проблема “З. В.” — считает К. Кантор, — проблема личности, ее свободы. Она — движущая сила сюжетостроения»²¹. Среди многочисленных лиц и масок, представленных в романе, критик выделяет группу персонажей, в которых нашли отражения черты самого Зиновьева и которые образуют некое смысловое единство на подобии категории «лишнего человека», описанной некогда русскими классиками. Но если «лишние люди» Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова наделены драматической судьбой, судьба «лишних людей» Зиновьева трагична.

Спустя почти десять лет, в 1999 году, К. Кантор напишет еще одно предисловие к «Зияющим высотам» — для первого тома собрания сочинений Зиновьева (М.: Евразия+, 1999. Тираж 5000 экз.). В качестве анонса издания оно будет напечатана в еженедельнике «Книжное обозрение», № 44 от 1 ноября). К. Кантор продолжает размышлять над уникальной книгой, написанной его другом. Он придумывает для нее замечательный неологизм: «словостроение».

В это время К. Кантор работает над книгой, посвященной Владимиру Маяковскому, и новаторство Зиновьева-художника рассматривает в свете традиций творческих экспериментов лидера русского футуризма. Свою статью он называет «Мистерия-буфф Александра Зиновьева».

К. Кантор был, безусловно, апологетом «Зияющих высот», он восхищался и боготворил своего друга, при этом он оставался профессиональным мыслителем и все свои суждения строил на базе тщательной интеллектуальной рефлексии. Наблюдения К. Кантора высказаны тезисно (что обусловлено жанром и объемом высказывания — вступительная статья в журнале, предисловие к книге), однако они указывают на существенные особенности поэтики и проблематики как романа «Зияющие высоты», так и всего литературного творчества Зиновьева в целом. Основанные на пристальном анализе текста они сохраняют свою ценность и могли бы стать основой для более тщательных и детальных исследований. Статьи К. Кантора отличаются оригинальностью и глубиной, служат методологическим образцом для научного разговора о литературном феномене Зиновьева.

Единственный раз за десять постперестроечных лет обратила внимание на произведения Зиновьева «Литературная газета», откликнувшись в 1991 году небольшой заметкой П. Басинского на выход книги «Гомо советикус. Пара беллум» (М.: Московский рабочий, 1991). Очевидно, что проза Зиновьева, произвела на автора сильное впечатление. Начиная тогда свою литературную деятельность молодой критик, пожалуй, точнее всего сформулировал причину, по которой Зиновьев

²¹ Там же.

окажется чужим в перестроечной России: «Читать это интересно, но... неприятно»²².

Впрочем, П. Басинский признает: «Однако знать правду, которую она (книга. — П. Ф.) в себе несет, необходимо. Хотя бы для того, чтобы с нею не согласиться»²³. И в итоге, естественно, не соглашается. П. Басинский не принимает бескомпромиссности зиновьевской эстетики, построенной на логике социального анализа. Точности профессионального знания, бесстрашия, с которым писатель изображает действительность, по мнению П. Басинского, недостаточно. Оставаясь в рамках традиционных представлений о роли и назначении литературы, П. Басинский требует от автора, в конкретном случае — Зиновьева, гуманизма по отношению к читателю. Писатель должен давать читателю надежду. Пессимизм и безысходность не принимаются, даже если они обоснованы.

Позиция критика симптоматична. Она отражает растерянность «прорабов перестройки» перед разверзающейся бездной надвигающегося социально-политического краха и попытку спрятаться от правды, закрыв глаза и отвернувшись в сторону. Либералы прикрывались рыночной системой, патриоты — Богом. Свой спор с Зиновьевым П. Басинский заключает пассажем, который кажется ему непроверяемым:

«Она (правда Зиновьева. — П. Ф.) — логическое завершение той правды наших “шестидесятников”, которая пришла на смену соцреалистической лжи. В своей ненависти к любым формам социального иллюзиона и благородном стремлении непременно сказать «всю правду» они проскочили мимо очевидной вещи, которую мы только сегодня мучительно осознаем.

Правда еще не есть истина. Не есть Бог»²⁴.

С последним утверждением не поспоришь. Только Бог не отменяет правды, не делает ее бессмысленной и бесполезной, как хотелось бы не только П. Басинскому, но и большинству *его* читателей.

Для Зиновьева это не было новостью. Как-то, еще в январе 1987 года, он написал М. Зальцбергу: «Люди упорно не хотят слушать правду, когда она актуальна. Они признают ее постфактум, когда она теряет смысл, причем — признают, чтобы помешать новой актуальной правде»²⁵.

В 1994 году небольшую, но исключительно глубокую статью о «Зияющих высотах» и Зиновьеве вообще опубликует в московской газете «Коммерсантъ» Н. Климонтович, а информационным поводом послужит выход в свет книги Зиновьева «Коммунизм как реальность» (М.: Центрполиграф, 1994). Как когда-то первые критики Зиновьева Петр Вайль и Александр Генис Н. Климонтович, возможно, читавший в свое время

²² Литературная газета. 1991. № 29. С. 10.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по рукописи оригинала. Из личного архива О. М. Зиновьевой.

статью своих нью-йоркских коллег, определяет жанр созданного Зиновьевым произведения термином «меннипея».

Н. Климонтович пронизательно высказывает мысль о типологической схожести (при всей разности форм) — произведений Зиновьева и Василия Розанова, имевшего отчаянную дерзость говорить со своими современниками без оглядки на литературные и идеологические условности, всматриваясь в суть и обнажая подлинные смыслы. «С Розановым Зиновьева сближает и еще одно, — отмечает Н. Климонтович. — Безукоризненная логика и интеллектуальная честность не могут не конфликтовать с расхожими либеральными мифами, и оба писателя-философа испытали на себе давление «интеллигентской цензуры». Позиция интеллектуала-одиночки, открыто заявляющего свою точку зрения перед лицом либерального общественного мнения, всегда по-своему притягательна, но зачастую очень неуютна: будь то Вольтер или Галковский. Думается, в сегодняшней России, как, впрочем, и на сегодняшнем Западе, Зиновьев должен испытывать одиночество. Философ такого ранга никогда не может вписаться в картину, построенную на лобовых оппозициях: правое — левое, политкорректное — мракобесное»²⁶.

Зиновьев прочитал эту заметку с большим удовлетворением. В вырезке, хранящейся в архиве О. М. Зиновьевой, предложение: «Мыслителя, использующего столь многообразный литературный инструментарий, российская словесность до Зиновьева, кажется, не знала» — обведено Зиновьевым в рамку.

Статья Н. Климонтовича называется несколько странно, на первый взгляд: «Может быть пророк и в своем отечестве, даже не один». Но если вспомнить, что она написана в дни возвращения из эмиграции Солженицына, становится понятен подтекст. Именно Солженицына называла пророком российская пресса в эйфории от его многодневного турне по России. Не впадая в «партийность», Н. Климонтович деликатно утверждает, что на Солженицыне свет клином не сошелся, и у России есть еще и другие выдающиеся мыслители, не менее масштабные и значительные, достойные звания пророков. Как минимум еще один — Александр Зиновьев.

К слову, о «духовной оппозиции». Несмотря на то, что и Александр Проханов, возглавлявший газету «Завтра», и Владимир Бондаренко — редактор «Дня» были дружны с Зиновьевым и не раз брали у него интервью, а Бондаренко даже оказался под следствием по признакам преступлений, предусматривающих ответственность за призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 70 УК РФ) и пропаганду войны (ст. 71 УК РФ) за публикацию одной из бесед с Зиновьевым, в которой тот достаточно резко высказался о российской власти, ни сами они, ни авторы

²⁶ Климонтович Н. Ю. Может быть пророк и в своем отечестве, даже не один // Коммерсант Ъ. 1994, 4 июня. № 102. С. 7.

издаваемых ими газет, не написали ни одной строки о его романах. Даже в дни юбилеев Зиновьева, которые в течение 1990-х отмечались дважды — в 1992 и 1997 годах.

Лишь совсем уж маргинальная «газета борьбы общественных идей — для тех, кто любит думать» «Дуэль» поместила на своих страницах рецензию на новый роман Зиновьева «Русский эксперимент». Ее автор, главный редактор газеты, радикальный критик власти и духовный экстремист Ю. Мухин, в первых строках вроде бы признает близость ему идей Зиновьева: «когда я прочитал “Запад” А. Зиновьева, то обрадовался — хоть и не так, но Зиновьев обрабатывает мой участок»²⁷. Однако «Русский эксперимент» пришелся Ю. Мухину не по душе, и его довольно пространная, на полполосы статья представляет собой скорее глумливое издевательство, нежели серьезную полемику с оппонентом. Ю. Мухин упрекает Зиновьева в высокомерии авторской позиции, считает ее идейно невнятной, сложной для восприятия и понимания и даже малодушной. Ю. Мухин выдергивает из текста различные слова и тезисы и ехидно высмеивает те смыслы, которые вкладывает в них сам. Свой поток словесной желчи он завершает обращением к Зиновьеву: «Напишите другую книгу и не для себя, а читателей. Напишите ее прокоммунистически, и тогда коммунисты не будут шарахаться от вас, как от попа Гапона»²⁸.

1990-е были, пожалуй, последним периодом в истории отечественной литературной критики, когда в ней активно и плодотворно работали десятки талантливых, самобытных, глубоких литераторов. Имена Л. Анненского, И. Золотусского, А. Туркова, Ст. Рассадина, И. Роднянской, С. Чуприна, В. Курбатова, В. Кардина, Ю. Буртина, И. Дедкова, К. Степаняна, А. Марченко (список можно продолжить) составляют «золотой фонд» русской критики. Они не были ограничены никакими цензурными предписаниями, могли свободно высказывать свое мнение, мыслить, спорить, утверждать. У них был большой выбор изданий, где бы они могли публиковать свои статьи: по-прежнему ежемесячно выходили в свет все созданные в советское время литературные журналы и газеты, появились десятки новых, независимых изданий, общеполитические газеты, как центральные, так и региональные, также еще следили за литературным процессом. И вот в этих условиях наибольшего благоприятствования, в условиях уже даже и не «гласности», а подлинной свободы слова, русская критика проявила в отношении страстного, огненного, горестного, всецело обращенного к своим современникам-соотечественникам Зиновьева «скорбное бесчувствие».

Проглядели? Не заметили? Или — сознательно бойкотировали? Как бы то ни было, но факт остается фактом: за *десять лет* о романах Зиновьева было *написано пять с половиной* статей, из которых

²⁷ Мухин Ю. Русский эксперимент А. Зиновьева // Дуэль. 1996. № 20. С. 8.

²⁸ Там же.

две — наиболее обстоятельных — не профессиональным критиком, а философом. «Неформатность» Зиновьева сделала его чужим в стане литераторов. Он, как и в прежние годы, в 1990-е оказался вне «литературы».

Наедине со своими читателями.

Вернувшегося в Россию писателя встретила обстоятельная, смелая статья критика нового поколения Е. Пономарева из Санкт-Петербурга «Homo postsoveticus. Творчество Александра Зиновьева вчера и сегодня», опубликованная в июльском номере журнала «Звезда», тираж которого появился буквально через несколько дней после того, как самолет все той же «Люфтганзы», двадцать лет назад, доставил Зиновьева с семьей на Родину.

Е. Пономарев констатировал сложившуюся вокруг книг Зиновьева драматическую ситуацию: «Сегодня Зиновьева читают мало. Только по инерции, с застойно-перестроечных времен. Незачем стало продираться через сложный стиль. Кроме того, этот стиль хорошо сочетается с упреками в маразме, которые время от времени звучат в адрес писателя. И впрямь: Зиновьев не рад распаду СССР! Он не поддерживает перемены в России! Значит, впал в маразм, что же еще»²⁹.

Разбираясь с этой новой реальностью, Е. Пономарев идет вслед за Зиновьевым, за его книгами, применяет открытый писателем метод понимания реальности. Анализируя социальную антропологию Зиновьева, как она предъявлена во всем его творчестве — от «Зияющих высот» до «Глобального человеяника», он вскрывает механизмы поведения постсоветского человека, спешно переодевшегося в квазикапиталистические наряды, но оставшегося все тем же «гомососом». Вне зависимости от того, какую социальную нишу ему удалось занять в результате перестройки-перетряски советского мира. Е. Пономарев демонстрирует универсальность и эффективность зиновьевского слова, его актуальность и злободневность: «Читая Зиновьева сегодня, по-прежнему проецируешь текст на современность. И поражаешься: еще более верно, чем было»³⁰.

К сожалению, статья Е. Пономарева оказалась фактически единственной. Да, была еще в том же 1999 году статья К. Кантора «Мистерия-буфф Александра Зиновьева», о которой говорилось выше. Но продолжения разговора не последовало. Только после смерти писателя, да и то с большой задержкой и по-прежнему разрозненно, стали появляться аналитические работы, посвященные его произведениям. И даже написано несколько кандидатских диссертаций. Но, увы, системного и целостного очерка творчества Зиновьева пока нет. И не предвидится.

Зато много пишут о Зиновьеве философы, социологи, политологи, логики. Есть целый ряд выдающихся работ, посвященных разным

²⁹ Пономарев Е. Р. Homo postsoveticus. Творчество Александра Зиновьева вчера и сегодня // Звезда. 1999. № 7. С. 185.

³⁰ Там же. С. 186.

аспектам философского наследия Зиновьева. Это, в первую очередь, работы А. А. Гусейнова, Ю. Н. Солодухина, Хорста Весселя, Майкла Кирквуда, людей, которые ментально и духовно были близки с Зиновьевыми, которые восприняли его мысль непосредственно от него, имея счастье регулярного и неспешного общения.

Ценными для понимания феномена Зиновьева являются статьи А. И. Фурсова, А. А. Ивина, А. А. Скворцова, Л. В. Полякова, А. П. Козырева, представленные в сборнике.

Значительную роль в осмыслении и развитии философского наследия Зиновьева играет многолетняя философско-публицистическая деятельность «Зиновьевского клуба» МИА «Россия сегодня», возглавляемого О. М. Зиновьевой, настойчивая и неутомимая энергия которой вдохновляет и поощряет мысль.

Издание антологии «А. А. Зиновьев: pro et contra» позволит оглянуться на пройденный путь и, даст Бог, двинется вперед — к Зиновьеву.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 5

П. Е. Фокин
Зиновьев не в меру 7

I ЛИЧНОСТЬ

Характеристика А. А. Зиновьева 27

Записка КГБ СССР в ЦК КПСС
«О мерах по пресечению
антисоветской деятельности ЗИНОВЬЕВА А.» 28

В. И. Толстых
Вы что, боитесь Зиновьева? 30

И. И. Мочалов
Человек-государство. Феномен Александра Зиновьева 37

А. И. Фурсов
О великом вопрекисте.
Жизнебытийный эксперимент и творчество А. А. Зиновьева
в контексте социальной теории и русской истории 49

В. В. Серебрянников
А. А. Зиновьев как Герой <Фрагмент> 86

Э. И. Неизвестный
«Александр Зиновьев — мыслитель и человек»
(материалы «круглого стола») <Фрагмент> 90

А. А. Гусейнов
А. А. Зиновьев: «Я есть суверенное государство» 92

А. С. Блинов
Вселенная по имени «Зиновьев» <Фрагменты> 124

II ЛОГИКА

В. Ф. Асмус
О книге А. А. Зиновьева
«Философские аспекты многозначной логики» 129

К. С. Бакрадзе
Отзыв на книгу А. А. Зиновьева
«Философские проблемы многозначной логики» 133

<i>Г. Н. Поваров</i>	
Отзыв на книгу А. А. Зиновьева «Философские проблемы многозначной логики»	135
<i>В. Ф. Асмус</i>	
Отзыв о работе А. А. Зиновьева «Исчисление высказываний и теория вывода»	137
<i>К. С. Бакрадзе</i>	
Отзыв о работе А. А. Зиновьева «Исчисление высказываний и теория вывода»	138
<i>И. С. Нарский</i>	
Отзыв о книге А. А. Зиновьева «Основы логической теории научных знаний»	140
<i>А. Г. Спиркин</i>	
Отзыв о книге А. А. Зиновьева «Основы логической теории научных знаний»	142
<i>Е. А. Лехнер</i>	
Отзыв на книгу А. А. Зиновьева «Логическая физика»	144
<i>Н. И. Стяжкин</i>	
Отзыв на книгу А. А. Зиновьева «Логическая физика»	146
<i>А. А. Ивин</i>	
Комплексная логика А. А. Зиновьева	148
<i>Хорст Вессель</i>	
Логика Александра Зиновьева	165
<i>Ю. Н. Солодухин</i>	
Логическое учение А. А. Зиновьева (2009)	171
Логическое учение А. А. Зиновьева (2023)	189

III ЛИТЕРАТУРА

<Без подписи>

Аннотация к первому изданию книги: Александр Зиновьев. «Зияющие высоты»	215
<i>Р. Б. Лерт</i>	
Подступы к «Зияющим высотам». Опыт ненаучного анализа	217
<i>П. Модесто</i>	
Александр Зиновьев. «Зияющие высоты»	226
<i>Н. Н. Рубинштейн</i>	
Сказание о Земле Ибанской	233
<i>Г. Н. Андреев</i>	
В стране строго алогичной закономерности	247
<i>П. Л. Вайль, А. А. Генис</i>	
Вселенная без мозжечка. <i>Зиновьев и мениппея</i>	260
Заговор против чувств.	269

<i>В. П. Бетаки</i>	
Между лозунгом и мусорщицей	278
<i>С. С. Юрьенен</i>	
Александр Зиновьев — книга вторая...	283
<i>В. Желягин, Н. Попов</i>	
«Светлое будущее».	
«Особый слой» партийно-политической бюрократии.	286
<Без подписи>	
Александр Зиновьев. Записки ночного сторожа	
«L'Age d'Homme», Лозанна, 1979	295
<i>М. Я. Геллер</i>	
Отщепенец — это звучит гордо	297
<i>А. Абрамов</i>	
Об эстетических взглядах А. А. Зиновьева.	301
<i>З. Золотой</i>	
Настоящее — будущее.	
О книгах А Зиновьева «Светлое будущее» и «Зияющие высоты»	306
<i>М. Я. Геллер</i>	
Тоска по зоне	309
<i>К. А. Сапгир</i>	
В фокусе вогнутого зеркала	320
<i>М. Иоффе</i>	
Зиновьевский парадокс.	325
<i>М. Михайлов</i>	
Вперед, войне навстречу...	329
<i>К. Д. Померанцев</i>	
«Иди на Голгофу»	334
<i>К. М. Кантор</i>	
Из статьи «Сияющая высота словесности»	338
<i>П. В. Басинский</i>	
Александр Зиновьев.	
«Гомо советикус. Пара беллум». «Московский рабочий». 1991.	341
<i>Н. Ю. Климонтович</i>	
Может быть пророк в своем отечестве, даже не один	343
<i>Ю. И. Мухин</i>	
Русский эксперимент А. Зиновьева	346
<i>Е. Р. Пономарев</i>	
Номо postsoveticus.	
Творчество Александра Зиновьева вчера и сегодня	353
<i>К. М. Кантор</i>	
«Мистерия-Буфф» Александра Зиновьева	367
<i>М. В. Тростников</i>	
Писатель с маленькой буквы.	
Александр Зиновьев о себе любимом	372

<i>Л. Суханек</i>	
Метафора системы.	
О романе «Зияющие высоты» Александра Зиновьева	375
<i>П. Е. Фокин</i>	
Несоветский советский писатель Александр Зиновьев	395
Владимир Высоцкий и Александр Зиновьев «в преддверии Рая»	407
<i>И. С. Ефимов</i>	
Человѣки на руинах гуманизма	423

IV

ЖИВОПИСЬ. ГРАФИКА

<i>Т. А. Зиновьева</i>	
Про художества Александра Зиновьева	445
<i>П. А. Зиновьева</i>	
Стремительное творчество Зиновьева	453
<i>С. Акатос</i>	
Дневные кошмары, ночные кошмары	457

V

СОЦИОЛОГИЯ. ИДЕОЛОГИЯ

<i>Е. С. Терновский</i>	
Сходя с «Зияющих высот»	461
<i>Д. М. Штурман</i>	
Блеск и нищета Александра Зиновьева	464
<i>Р. Лорен</i>	
Вокруг Александра Зиновьева	481
<i>В. Нагирный</i>	
Александр Зиновьев как советский человек:	
критик Сталина или апологет сталинизма?	485
<i>И. А. Косинский</i>	
Анализ, прогноз, предостережение.	
О книге А. Зиновьева «Горбачевизм»	506
<i>В. П. Грязневич</i>	
Советский Союз глазами Александра Зиновьева	513
<i>Л. Г. Ионин</i>	
Ответ Александру Зиновьеву	528
<i>М. А. Захаров</i>	
«Возвращайся, браток!»	531
<i>Д. Г. Свинцов</i>	
Против «ефрейториссимуса» и «катастрофки»	535
<i>Е. А. Амбарцумов</i>	
«Лучше плохая демократия, чем хороший сталинизм...»	539

<i>И. К. Пантин</i>	
Размышления по поводу статьи Александра Зиновьева «Куда мы идем»	542
<i>К. М. Кантор</i>	
Путь к цивилизации — каков он?	552
<i>М. Киркевуд</i>	
Александр Зиновьеву 70 лет!	569
<i>И. А. Косинский</i>	
«Западнизм» Александра Зиновьева	581
<i>Б. Т. Малышев</i>	
Выдвигайте гармонителей! (отвечая Александру Зиновьеву)	596
<i>И. Р. Саттар</i>	
Движение к отчуждению	603
<i>Л. А. Аннинский</i>	
Коммунизм стал нашим наркотиком	610
<i>Г. И. Мирский</i>	
С ударением на букву «я». Полемика с Александром Зиновьевым	615
<i>И. В. Колодяжный</i>	
Альтернатива глобализму	619
<i>О. Иванов</i>	
Новый красный проект	622
<i>В. А. Луков</i>	
О логической социологии А. А. Зиновьева <Фрагмент>	626
<i>М. Киркевуд</i>	
Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева	630
<i>А. А. Скворцов</i>	
Социология Александра Зиновьева: между логикой и этикой	665
<i>Р. Ю. Фролов</i>	
«Человек» Александра Зиновьева	689
<i>А. П. Козырев</i>	
А. А. Зиновьев и цивилизационный подход к истории	699
<i>Л. В. Поляков</i>	
Коммунистический антикоммунизм Александра Зиновьева	706
<i>Д. К. Богатырев, Л. В. Поляков</i>	
Политологическая культурология А. А. Зиновьева в контекстах отечественной и западной философии	726
Комментарии	752
Указатель имен	845

Научное издание

А. А. ЗИНОВЬЕВ: PRO ET CONTRA

*Личность и идейное наследие А. А. Зиновьева
в оценках отечественных и зарубежных
мыслителей и исследователей*

Антология

Составитель

Павел Евгеньевич Фокин

Директор издательства *А. А. Галат*
Заведующий редакцией *В. Н. Подгорбунских*
Корректор *С. А. Авдеев*
Верстка *Т. О. Прокофьевой*

Подписано в печать 25.11.2024. Формат 60×90¹/₁₆
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 53,50. Тираж 300 экз.
Зак. № 1191

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-65-95
E-mail: books@rhga.ru. URL: <http://rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134